

К ИСТОРИИ РУССКОГО АВАНГАРДА:
“НОВЫЙ ЭГО-ФУТУРИЗМ” А. В. ТУФАНОВА

Глеб Морев

Появление в печати ряда материалов к биографии А. В. Туфанова (1877-1941?),¹ дополняющих и уточняющих разыскания, предпринятые в свое время Ж.-Ф. Жаккаром и Т. Л. Никольской — составителями первого комментированного издания туфановских текстов² — подтверждает справедливость принадлежащего М. Марцадури и Т. Л. Никольской определения филологической работы по построению документированной истории русского авангарда, как *work in progress*.³

Не удивительно, однако, что документы, полностью или частично обнародованные к сегодняшнему дню, касаются позднего (1922-1930-е гг.) периода деятельности Туфанова — Председателя Земного Шара Зауми, “новатора-архаиста”⁴ и автора “Ушкуйников” (Л. [1927]): обстоятельства последних лет жизни Туфанова, в особенности после его ареста 10 декабря 1931 года по “делу № 4246-32”, более известному как “дело Детского сектора Госиздата”, до сих пор являлись предметом догадок и предположений (не всегда обоснованных).⁵

В то же время изложение выглядящего в этом смысле сравнительно благополучно раннего периода литературной биографии Туфанова также требует уточнений. Мы имеем в виду необходимость ввода в научный оборот сведений о первом собственно литературном печатном выступлении Туфанова — статье “Об эго-футуризме”, оставшейся до недавнего времени вне поля зрения исследователей.⁶

Статья Туфанова увидела свет в составе литературного журнала-сборника “Свежие силы”, “органа новейших и начинающих авторов”, вышедшего в Петербурге в январе 1914 года.⁷ Редактировавшиеся К. Д. Давыдовым (Закавказским) и числившие среди своих авторов Л. И. Гумилевского, М. Л. Моравскую, В. В. Баратынского и др. “Свежие силы” намеревались “ответить давно назревшей потребности в издании, по-

священном произведении только новейших и начинающих авторов”.⁸ Однако, “задавшись не коммерческой, а идейною целью”,⁹ издание вынуждено было приостановить (несмотря на заявленную периодичность) свой выход на первом номере.

Статья Туфанова снабжена редакционным примечанием, оговаривающим право “журнала-сборника” “служить трибуной для представителей всевозможных литературных направлений”.¹⁰ Между тем, известно, что никакого отношения ни к литературной группе эго-футуристов, образовавшейся (в составе Игоря Северянина, К. Олимпова, Г. Иванова и Грааля-Арельского) в октябре 1911 года и в ноябре 1912 (после выхода из нее Северянина) распавшейся, ни к основанной в начале 1913 года “Интуитивной ассоциации” эго-футуристов (П. Широков, В. Гнедов, Д. Крючков), руководимой Иваном Игнатьевым, организатором издательства “Петербургский Глашатай”, Туфанов не имел.

Конец 1913 и начало 1914 года, когда была опубликована статья Туфанова, отмечены отчетливой тенденцией к сближению футуристических группировок: выпуск в Петербурге сборника “Рыкающий Парнас” с манифестом “Идите к чорту”, подписанным Д. Бурлюком, А. Крученых, Б. Лившицем, В. Маяковским, В. Хлебниковым — членами кубофутуристической “Гилеи” — и Игорем Северяниным, знаменовал собой “недолговечный союз гилейцев с Северяниным”,¹¹ а планировавшееся в то же время литературное турне Маяковского, Д. Бурлюка и Северянина по Крыму предполагало участие эго-футуриста Игнатьева.¹² Внезапная смерть Игнатьева, 20 января 1914 года покончившего с собой,¹³ привела к тому, что возглавлявшаяся им “ассоциация” “блокировалась с Центрифугой”,¹⁴ а сам Игнатьев был объявлен центрифугистами (на страницах вышедшего в конце апреля 1914 года альманаха “Руконог”) “первым русским футуристом”.¹⁵

На фоне этих событий, знаменовавших собою фактический распад эго-футуризма, получает объяснение и дебют¹⁶ Туфанова с неожиданной, казалось бы, манифестацией им “нового credo эго-футуризма”.¹⁷

Интерес Туфанова к “символизму [...] и, до некоторой степени, к футуризму” в “первый период творчества” отмечен (со ссылкой на свидетельство самого Туфанова из автобиографии 1925 года) Ж.-Ф. Жаккарром, справедливо замечающим одновременно, что “детальное изучение литературной деятельности Туфанова этого периода не представляет значительного интереса, тем более, что она во многом остается эпигонской. Однако, стоит обратить внимание на те ее стороны, которые помогают понять его последующие работы”.¹⁸

Именно в этой перспективе рассматриваемая нами статья имеет первостепенное значение, демонстрируя любопытную устойчивость ряда общих теоретических и частных положений в туфановской эволюции “от эолоарфизма к зауми”. Действительно, отвлекаясь от общеиндивидуалистического пафоса статьи, сформулированное Туфановым *credo* (“основной закон всех искусств”) — “поэт должен давать только соответствия, ряды образов из великого символического трактата [...], в поэзии должно быть познание вне рассудочных форм, при котором внешней связи может и не быть” и т. д. — с одной стороны, содержит прямые отсылки к “предшественникам-символистам” и, в данном случае, к программной статье В. Брюсова “Ключ тайн” (1904),¹⁹ а с другой — будучи осложнено отрицанием словотворчества и “быта” — перекликается с позднейшими туфановскими формулировками “задач искусства”,²⁰ являющимися, в свою очередь, шагом к созданию теории радикальной зауми.

Знаменательно также, что самая форма изложения при помощи гегелевской триады (тезис — антитезис — синтез), избранная Туфановым, будет вновь применена им в статье 1923 года “Освобождение жизни и искусства от литературы”, повторяющей, в ряде случаев, положения его дебютной работы.²¹

Приводимое Туфановым в тексте статьи стихотворение “Его” (пролог к симфонии “Листья Мимозы”), будучи кардинально переработано, послужило, очевидно, основой для одноименного стихотворения, открывающего книгу Туфанова “Эолова арфа” (Пг. 1917). Первоначальный текст стихотворения (как и текст статьи “Об эго-футуризме”) в последующие годы не перепечатывался.

Примечания

¹ См.: J.-Ph. Jaccard, А. Устинов. Заумник Даниил Хармс: начало пути // Wiener Slawistischer Almanach 1991. Bd 27, S. 159-228 (в приложении публикуется анкета Туфанова для Всероссийского Союза Поэтов от 9 апреля 1924 г.); Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела / Вст. статья, публ. и комм. И. Мальского // Октябрь 1992. № 11, с. 166-191 (в составе публикации — анкета, заполненная Туфановым в ОГПУ, протоколы допросов Туфанова, фрагменты записных книжек А. Урбана со сведениями о Туфанове); Н. Богомолов. Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова //

Русский авангард в кругу европейской культуры. Международная конф. Тезисы и материалы. Ред. Н. П. Гринцер. М. 1993, с. 89-93 (в приложении полностью публикуется автобиография Туфанова от 22 февраля 1922 г.); John E. Malmstad. From the History of Russian Avant-Garde // Readings in Russian Modernism. To honor V. F. Markov. Ed. by Ronald Vroon, John E. Malmstad. Moscow 1993, pp. 221-224 (публикация рукописного доклада Туфанова 1927 г. из архива И. И. Бернштейна-А. Ивича); Из писем А. В. Туфанова 1920-х годов / Вст. зам., публ. и комм. А. Никитаева // Терентьевский сборник 1996. Под общей ред. С. Кудрявцева. М. [1996], с. 273-290 (письма к М. Шкапской и В. Полонскому). См. также не привлекавшееся исследователями письмо Туфанова А. Н. Толстому от 12 января 1938 г., содержащее биографические сведения о периоде 1931-1938 гг.: ИМЛИ. Ф. 43. № 3691-1, а также не учтенную подготовителями берклийского издания (см. прим. 2) публикацию письма Туфанова Пастернаку 1926 г.: Милан Гурчинов. Едно непознато писмо до Борис Пастернак // Годишен Зборник. Кн. 23. Скопје 1971, с. 435-39.

² Александр Туфанов. Ушкуйники. Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley 1991.

³ См.: Игорь Терентьев. Собрание сочинений. Под ред. М. Марцадури и Т. Никольской. Вологда 1988, с. 14.

⁴ См.: Т. Никольская. Новатор-архаист ("Ушкуйники" А. Туфанова) // А. Туфанов. Ушкуйники, с. 105-112.

⁵ См. свидетельство И. В. Бахтерева об обстоятельствах гибели Туфанова, вызывающее сомнения, но пока не могущее быть документально опровергнуто (Ушкуйники, с. 26), а также "осторожное предположение" Д. С. Лихачева "о том, что А. Туфанов мог находиться в Соловецком лагере в 1929 [ ] году" на необоснованность которого уже указал А. Т. Никитаев (см.: De Visu 1993. № 2(3), с. 66).

⁶ Впервые указание на статью Туфанова и ее краткая характеристика были даны нами в рецензии на издание, подготовленное Ж.-Ф. Жаккаром и Т. Никольской (см.: Г. Морев. "Мой читатель еще только рождается...". К выходу в свет "Ушкуйников" Александра Туфанова // Русская мысль 1991. 30 августа, с. 14).

⁷ См.: Л. Н. Беляева, Н. К. Зиновьева, М. М. Никифоров. Библиография периодических изданий России. 1901-1916. Л. 1960. Т. 3, с. 149. Содержание сборника отражено также в указателе Н. П. Рогожина "Литературно-художественные альманахи и сборники. 1912-1917 годы" (М. 1958, с. 124).

⁸ "Свежие силы," с. III. Позднее, в 1917 г. Л. И. Гумилевский редактировал журнал "Вольный плуг", в котором Туфанов работал секретарем (см. об этом в воспоминаниях Гумилевского: Волга 1988. № 7, с. 162-163; там же, между прочим, см. и об участии автора в "Свежих силах", с. 150).

⁹ "Свежие силы", с. VI.

¹⁰ “Свежие силы”, с. 194.

¹¹ Манифесты и программы русских футуристов. Hrsg. von V. Markov. München 1967, с. 81.

¹² См.: Н. Харджиев. Заметки о Маяковском. 18. Памяти Ивана Игнатъева // Н. Харджиев, В. Тренин. Поэтическая культура Маяковского. М. 1970, с. 220. Ср. также: “В ноябре 1913 С. Бобров, выступивший в девятом (последнем из вышедших) альманахе “Петербургского Глашатая” “Развороченные черепа” (Спб. 1913), заручился участием И. В. Игнатъева в литературных акциях левого крыла “Лирики” (Л. Флейшман. История “Центрифуги” // Л. Флейшман. Статьи о Пастернаке [Vremya 1977], с. 66. Как на симптоматичный пример сотрудничества членов различных футуристических группировок на рубеже 1913-1914 гг. укажем также на эпизод (впрочем, остающийся дискуссионным) совместного участия В. Маяковского, К. Большакова, Б. Лавреньева и В. Шершеневича (“Гилея” и “Мезонин поэзии”) в съемках фильма “Драма в кабаре футуристов № 13” (подробнее см.: Рейн Круус. Еще о русском футуризме и кино // Russian Literature 1992. Vol. XXXI. № III, pp. 333-352); ср.: Р. М. Янгиров. Смерть поэта (Вокруг фильма “Драма в кабаре футуристов № 13”) // Седьмые Тьяновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига-М. 1995-1996, с. 170).

¹³ Подробности этого трагического происшествия, о котором сообщалось и в газетах (см., например, указанную нам Р. Д. Тименчиком публикацию “Самоубийство И. В. Казанского [Ив. Игнатъева]”, День 1914. № 22. 23 янв., с. 5), зафиксированы в дневниковой записи А. Блока (А. Блок. Записные книжки. М. 1965, с. 203).

¹⁴ Н. Харджиев. Указ. соч., с. 309.

¹⁵ См.: Л. Флейшман. Указ. соч., с. 67.

¹⁶ Составленная Ж.-Ф. Жаккарром библиография Туфанова учитывает его публикации, начиная с 1915 г. Заметим, что ни в одном из известных к сегодняшнему дню автобиографических документов (автобиографии – для “Словаря русских поэтов и поэтесс” 22 февраля 1922 г., для ГИИИ 22 апреля 1925 г., для “Словаря современников” Г. Г. Бродерсена 13 октября 1928 г., ответы на анкеты ВСП 9 апреля 1924 г. и ОГПУ 10 декабря 1931 г.) нет упоминаний о сотрудничестве в “Свежих силах”.

¹⁷ “Свежие силы”, с. 195. Попытка Туфанова солидаризироваться именно с эго-футуризмом – наиболее “декадентской” ветвью русского футуризма – неслучайна: наряду с интересом к Игорю Северянину (ср.: Ж.-Ф. Жаккар. Александр Туфанов: от эолоарфизма к зауми // А. Туфанов. Ушкуйники, с. 13), влияние символизма (периода “декадентства”) было определяющим для поэтики Туфанова 1910-х гг. Инициатива Туфанова осталась незамеченной не только его биографами, но и исследователями русского футуризма: см., например, статью В. Маркова “К истории русского эгофу-

туризма” (*Orbis scriptus D. Tschizevskij zum 70. Geburtstag. München 1966, S. 499-512*) и главу об эго-футуризме в его же классической монографии *Russian Futurism: A History, Berkeley and Los Angeles 1968*.

¹⁸ Ж.-Ф. Жаккар. Указ. соч., с. 14.

¹⁹ Ср.: “Ныне искусство, наконец, свободно. Теперь оно сознательно предается своему высшему и единственному назначению: быть познанием мира, вне рассудочных форм, вне мышления по причинности” (В. Брюсов. Собр. соч. в 7-ми тт. М. 1975. Т. 6, с. 93). Влияние на собственное творчество Брюсова, К. Бальмонта и Андрея Белого, о “глубокой, неразрывной, внутренней связи” которых с “эго-футуристами” заявляет Туфанов (“Свежие силы”, с. 198), неизменно отмечалось им и позднее (см. автобиографию 1925 г.: Ушкуйники, с. 173; ср. также тезис о футуризме как “музыкальной ветви” символизма в статье “Освобождение жизни и искусства от литературы” [1923]: Ушкуйники, с. 156-157). Необходимо указать также на несомненное отражение в статье Туфанова утверждений Брюсова о футуристах из его статьи “Новые течения в русской поэзии. Футуристы” и, в частности, следующего пассажа: “Придется футуристам поучиться многому у своих предшественников — символистов — и неизбежно принять самую идею “символа” (Русская мысль 1913. № 3, с. 133 вт. паг.). Взаимоинтерес символистов (в первую очередь Брюсова, участвовавшего в альманахах эго-футуристов “Оранжевая урна” [СПб. 1912] и “Орлы над пропастью” [СПб. 1912]) и эго-футуристов отмечен В. Марковым; см.: В. Марков. К истории русского эго-футуризма // *Orbis scriptus...*, с. 499, 503, 509; ср. также иронический акростих Н. Гумилева “Брюсов и Сологуб”, написанный по поводу участия символистов в издательских предприятиях “Петербургского Глашатая”, и его же рецензию на сборник “Орлы над пропастью”: Н. С. Гумилев. Письма о русской поэзии. М. 1990, с. 163-164, 324 (комм. Р. Д. Тименчика).

²⁰ Ср.: “Эстетическое удовольствие [...] не может иметь ничего общего с жизнью и реальностью [...]. Чтобы произведение искусства было самим собой, оно не должно быть действительностью” (О жизни и поэзии [1918] // Ушкуйники, с. 118, 121; ср. также “Слово об искусстве” [1925] // Ушкуйники, с. 181-183). Приведем здесь же совпадающие с текстом статьи в “Свежих силах” фрагменты из критических работ Туфанова 1915 года, когда мысль о самоидентификации с эго-футуризмом была, по-видимому, оставлена (автохарактеристика “поэт Эго-центрист” встречается лишь однажды: Северный Гуслияр 1915. № 3, с. 19; ср., впрочем, позднейшую самоаттестацию – “старый футурист”: Ушкуйники, с. 178), а сама футуристическая практика признана “неплодотворной”: “[...] основной закон всех искусств, закон Тайны. В каждом стихотворении должно быть скрытое, второе содержание. Слово перестало быть равносильным содержанию нашего внутреннего опыта, а потому нужен символ, не простота и не сложность путем разрушения этимологии и синтаксиса, а интуитивное соп-

ставление рядов соответствий из великого символического трактата – Вселенной” (О стихах // Северный Гуслиар 1915. № 3, с. 43); “[...] слово перестало быть равносильным содержанию нашего внутреннего опыта, а потому нужны новые средства его выявления. Символизм находит выход в теории соответствий и инструментализации поэтической речи, а футуризм и Игорь Северянин видят возможность разрешения этого вопроса в образовании новых слов” (О поэзии Игоря Северянина // Северный Гуслиар 1915. № 6., с. 35).

²¹ Текст статьи см.: Ушкуйники, с. 153-164.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ОБ ЭГО-ФУТУРИЗМЕ*

Александр Туфанов

В жизни народов бывают эпохи, когда юные дети впереди отцов своих идут на героические горные вершины, а отцы в бессилии отказываются руководить их волевыми поступками; дети начинают жизнь с “общественности”; общественность – *теза жестокой триады*, в рамки которой обречены они уложить жизнь свою. Человеческая толпа любит “парсифалей”, ибо души их горят состраданием к ней. Она любит их гибель, любит в герое самоотречение, и вожаки ее говорят: “герой должен во время умереть”.

Но почему же во время ?...

Да потому, что “парсифаль”, ушедший с голгофы, страшен для современной ему толпы. Уход знаменует собою разобществление, начало *антитезы*. Все развивается, превращаясь, чаще, чем думают, в свою противоположность; мудрость нередко превращается в безумие, блаженство – в муки, а “парсифаль” – в индивидуалиста, или даже в Касти Пьяни Ведекинда (см. “Пляска мертвых”).

По законам развития человеческого духа, общественный героизм неизбежно переходит в свою противоположность – индивидуализм, не имеющий границ. Есть, правда, исключения, когда он не переходит; но это – омертвление духа или рабий страх перед толпой, которая бросает камнями даже в утомленных героев, не погибших за нее, и клеймит их именем изменников. Толпа развращена “жертвой” и не признает эволюции, не признает *естественной смены убеждений*, называя ее “изменой”, а омертвление духа кретинов мысли – верностью и честностью.

---

* Не разделяя всецело взглядов автора, редакция все же помещает настоящую статью: “Свежие силы” должны служить трибуной для представителей всевозможных литературных направлений. Желателен обмен мнений. Ред. [“Свежие силы”].

Но куда уходят бывшие герои толпы? Мы знаем, что в Швеции и Норвегии, после освободительного движения, интеллигенция выдвинула Гамсуна, Гейберга, Сёдерберга и др. писателей-индивидуалистов. Мы знаем, что, объявив крушение идеалов демократии, перешедшая в индивидуализм интеллигенция иногда объясняла свой уход словами: *“души превратились в острова, с которых распались все мосты. Как жалки, жестоки и смешны клички толпы бывшим героям, ушедшим на новый кресть безграничного духовного одиночества!...”*

“Все можно” – говорит один из бывших героев, измученных толпой; и эта фраза полна глубокого смысла: “отдал все, и общество не позаботилось об эквиваленте для души, а потому ищу и беру сам; все можно – и никто не осмелится бросить камнем, а если бросят, представляю вексель ко всему человечеству, своему вечному должнику”.

Неизбежным звеном в этой жестокой триаде является *синтез - безвольное созерцание*. Воля к жизни привела на голгофу. Стремясь к преодолению страданий, личность ушла в отрицание общественности и поставила в центр всего эго; такая антитеза смягчила страдания, но не устранила их; в ее основе - та же воля, только направленная в самого себя.

И вот новое *credo ego-футуризма*.

Ставя в центре всего эго, мы не принадлежим настоящему, но за нами будущее. Действительность, т. е. общественность, нас не приемлет, она нас сама отрешает от самой себя, отбросив к черте безвольного созерцания.

Представители чистого символизма – В. Брюсов, К. Бальмонт и Андрей Белый – творили, отрешаясь от действительности, как субъекты безвольного созерцания, а самое творчество обращая в познание путем интуиции, подобное радуге (по гениальному сравнению Шопенгауэра), тихо почиющей на вечно-бушующем смятии брызг водопада.

Мы – навсегда отрешены, и, благодаря такому отрешению, наша жизнь – поэма, и всякое творчество наше – художественное.

Нет места быту в наших произведениях. Мы стремимся к преодолению жестокой триады; вызывать бытовые видения при помощи людских настроений и бытовые настроения при помощи видений - противоречит этому преодолению и даже самому строю нашей личности. Мы – преображенная действительность, и реализм звучал бы фальшью в наших произведениях, в которых и действительность должна быть преображена.

Мы – в лесу символов и выйти из него не можем; при всякой попытке выйти, напр., *при чтении злободневных отделов газет, журналов*, встает грозный призрак опошления поэмы каждого; мы творим только для того, чтобы освободиться от рядов представлений путем сопоставления их с “буквами” божественного трактата – Вселенной и чтобы дать место новым рядам. Творим не для славы, не для имени; славу создает толпа, а потому мы славы не приемлем. Подыскивание аналогий и новые слова нужны потому, что даже самые прекрасные слова людей не передают содержания нашего егo: они ему не равносильны.

Для истинного художника каждое слово, даже предложенное им самим новое, – ложь; оно, застывшее, годно только при омертвлении духа; выявлять содержание внутреннего опыта при помощи только слов – это значит говорить злободневное, что завтрашним днем будет погребено. Поэт должен давать только соответствия, ряды образов из великого символического трактата, всего лучше – внешне не связанных, потому что внешняя связь указывает на познание мира в границах закона достаточного основания, тогда как в поэзии должно быть познание вне рассудочных форм, при котором внешней связи может и не быть. Теория соответствий – богатое наследие для эго-футуристов, и пренебрегать ею нельзя; иначе получится погоня за новыми словами и стремление выразить словом по возможности все, а между тем мы не должны давать всего, а только намеки, чтобы будить воображение немногих к творчеству. Это основной закон всех искусств. При несоблюдении его даже немногие обратятся в фабричных продуктов природы, будут просить нас писать комментарии к каждому произведению. Но вскрывать символы нельзя, давать комментарии мы не будем, и нам тогда придется писать только для самих себя.

ЕГО*

В каждый миг я весь новый, единственный,
по земле мой не бродит двойник,
в глубине я рождаюсь таинственной,
мир усталый в бессильи поник.

Каждый миг я законченный, радостный:
дополнений к душе моей нет,

---

* Пролог к моей симфонии: “Листья Мимозы”. А. В. Туфанов.

и не надо; к себе я безжалостный,
пусть земля – катафалк: я ответ.

Но я знаю свое воскресение:
на цветную дугу надо встать
и над морем при солнце в забвении
исцеленья себе не искать.

Эго-футуристы не должны порывать преемственной литературной связи с тремя нашими символистами – В. Брюсовым, К. Бальмонтом и Андреем Белым; не должны потому, во-первых, что их произведения, наряду с симфониями Чайковского (6-ая), Бетховена (5-ая), музыкой Шопена, Глюка и др. поэтов личной тоски, учили и учат заменять переход в небытие иным синтезом – мудрым оптимизмом, и, во-вторых, еще потому, что между эго-футуристами, с их исторически-неизбежным отрицанием общественности, и символистами есть глубокая, неразрывная, внутренняя связь; символисты творят, отрешаясь от действительности и не допуская в поэзию, как в самоцель, общественности; для эго-футуристов общественность – ступень превзойденная; им не надо отрешаться, они сами – поэмы, в которых нет звонов для глухонемой толпы и нет света для дома слепых, ибо творения их – ультра-фиолетовые лучи из божественного окна той башни, куда мы все уходим и откуда на землю не возвращаемся. И не о кризисе символизма говорят последние произведения Андрея Белого, К. Бальмонта и В. Брюсова, а о реакции в их творчестве. Наши произведения должны быть отблесками молнии в темную ночь общественных изломов их индивидуализма. Пусть представители периодической печати поймут, наконец, что путь их долог. Теперь расцвет индивидуализма. Мы – синтез всей пережитой исторической полосы и, вместе с тем, может быть, и неизбежная теза для новой эпохи; на нашем крайнем индивидуализме может быть чрез много лет взойдут семена иной общественности, которая не будет приводить юношество к синтезу безвольного созерцания и потому не будет жестокой.

Стремясь все время к преодолению страданий, личность сначала бежит от общественности в самое себя, как бы закрывается от опошления, подобно листьям мимозы от грубых прикосновений. Но и в священном лесу символов происходит иногда возврат к волевым актам, что влечет за собою новые страдания от грубых соприкосновений с земным, и новый возврат к последнему волевому акту слабых около глубокой долины, и затем опять новую победу через “свертывание”, через уход в безволие от самого себя.

